

Сократ в спартанском камуфляже

РОМАН СВЕТЛОВ

1. ПРИ ВСЕМ многообразии оценок философского творчества Сократа в современной науке среди них господствуют три атрибута: «диалектика», «ирония» и «морализм»¹. Они перевешивают все другие черты античного мыслителя — и у апологетов афинского «босоногого мудреца», и у его оппонентов. Они доминируют и в подавляющем большинстве реконструкций образа Сократа. Мы же попытаемся посмотреть на Сократа не со стороны его диалектичности, а с точки зрения практической, поведенческой стороны избранного им образа жизни.

Едва ли может быть оспорен тезис о том, что философия Сократа дошла до нас в виде набора его биографий, в большей или меньшей степени фрагментарных. Соответственно, прочтение (толкование) жизни своего учителя последователями Сократа показывает нам тот вектор развития его идей, который они избирают. Любое биографическое свидетельство в таком случае приобретает герменевтический характер (и значение), являясь не только сообщением, но и интерпретацией. Через образ Сократа проявляются как этические и политические, так и эпистемологические идеи его биографов. Достаточно вспомнить знаменитый моральный экскурс Сократа из «Теэтета», который формирует не только «вертикальную» составляющую платонической этики (бегство в подлинную отчизну), но и демаркацию типов знания — обывательского и философского.

Наиболее подробный вариант «персоны» Сократа представлен в изложении Платона и Ксенофонта. При всех различиях в описании ими образа жизни своего учителя в нем обнаружи-

1. См. название классической книги Г. Влассоса: *Vlastos G. Socrates, Ironist and Moral Philosopher*. Ithaca: Cornell University Press, 1991. Ср. рассказ о парадоксах и загадках знакомого, казалось бы, образа Сократа в его новейшей биографии на русском языке: Суриков И. Е. Сократ. М.: Молодая гвардия, 2011.

ваются ряд общих, четко выраженных поведенческих доминант. Предметом рассмотрения в настоящей статье будет только одна из них: стилизация поведения (и в известной степени облика) под образ спартамца, известный нам по античной историографии. Эта стилизация оказывается шире лаконофильства как политической установки Сократа, очевидной для его современников и ставшей одним из мотивов процесса 399 года до н. э.²

2. Именно в текстах учеников Сократа и их преемников присутствуют важнейшие свидетельства о спартанском этосе (помимо диалогов Платона, таких как «Гиппий Большой», «Протагор», «Законы», сочинений Ксенофонта, здесь особенно показателен Плутарх Херонейский). Данный факт в свое время привел ряд исследователей к гипотезе о «спартанском мираже» — предположению, что хорошо известные нам особенности лакедемонского общественного строя и законодательства отражают не спартанскую реальность, а утопические представления греческих историков и политических идеологов (в первую очередь платоников)³. На наш взгляд, сторонники данной гипотезы слишком скептически относятся к аутентичности античной информации о политических и поведенческих реалиях Лакедемона. Однако «платонические» следы в образе Лакедемона все-таки видны, и один из их источников — Сократ, точнее, группа свидетельств о его внешности, поведении, мотивах некоторых его поступков.

Порой в текстах Платона обнаруживают иронию по отношению к спартамцам. Примером может послужить диалог «Гиппий Большой», где Сократ подсмеивается над самовлюбленным софистом Гиппием, который оценивает свою искусственность в мудрости количеством заработанных денег. При этом выясняется, что в Спарте, где Гиппий бывал чаще всего, он не заработал ни одной мины. Спартамцы совершенно не интересовались математикой, астрономией, натурфилософией — этими «коньками» Гиппия, в которых тот был очень осведомлен (возможно, Гиппий — первый настоящий историк философии, изложивший мнения древних мудрецов в своем «Сборнике»⁴). Зато они расспрашивали его о прошлом: об основании городов, о славных деяниях предков и обо всем том, что было предметом интере-

2. Недовольство лаконофильством Сократа скрыто за хорошо известными пунктами обвинения против него, но причина здесь очевидна: в 399 году до н. э. вести антиспартамские процессы афиняне еще не решались.

3. Ollier F. *Le Mirage spartiate. Étude sur l'idéalisation de Sparte dans l'antiquité grecque du début de l'école cynique jusqu'à la fin de la cité.* Paris: Les Belles-Lettres, 1933–1943. Т. I–II. См. обзор литературы о законодательстве Ликурга и точности сведений о нем в: Oliva P. *Sparta and her social problems.* Prague: Academia, 1971.

4. См.: Patzer A. *Der Sophist Hippias als Philosophiehistoriker.* Freiburg: Alber, 1986.

са античных поэтов и логографов — Каллина и Мимнерма, Ксенофана и Гекатея⁵.

Возникает вопрос: связано спартанское равнодушие к математическим и натурфилософским знаниям — достоянию раннегреческой мысли — с их «военной туповатостью», вызванной известным требованием Ликурга не заниматься ничем, кроме ратного дела, или же с тем, что они и так обладали мудростью? В «Протагоре» Сократ говорит: «Раньше и больше всего философия у эллинов была распространена на Крите и в Лакедемон»⁶. Следующее в этом диалоге ниже рассуждение А. Ф. Лосев в комментариях назвал «мифом о глубоко скрытом интеллекте спартанцев» (напомним — там речь идет о том, что со своими мудрецами лакедемоняне беседуют тайно от иноземцев). Однако можно указать на некоторые основания для подобного мифа. В Спарту приезжали учителя мудрости (тот же Гиппий), и им предлагали выступать перед юношеством. Древний царь Агасикл (рубеж VII–VI веков до н.э.) любил привечать у себя мудрецов, как нам об этом сообщает Плутарх⁷. Некоторые древние мудрецы-космогонисты (например, Алкман, Эпименид) имели отношение к Криту и Лакедемону. Именно в Спарте установил свой гномон милетский философ Анаксимандр. Полиэн в своих «Стратегемах» рассказывает о том, как царь Леонид перед неким сражением увидел собирающиеся грозовые тучи и объяснил своим офицерам, что причиной грозы являются природные закономерности, а именно движение звезд⁸.

Отсюда следует, что «ирония» платоновского Сократа только кажущаяся, и уже в «Протагоре» мы видим ту форму, в которую воплощалась спартанская мудрость: лаконическая речь. «Если бы кто захотел сблизиться с самым никчемным из лаконцев, то на первый взгляд нашел бы его довольно слабым в речах, но вдруг в любом месте речи метнет он, словно могучий стрелок, какое-нибудь точное изречение, краткое и сжатое, и собеседник кажется перед ним малым ребенком»⁹. Лаконичности у спартанцев учились якобы и знаменитые «семь мудрецов». Это и есть «древний способ философствовать — лаконское немногословие».

Эти суждения закладывают основу будущего «тренда»: превращения сборников спартанских речений в своего рода «флорилегии» практической мудрости. Вершиной данного процесса станет Плутарх, оставивший наиболее полные собрания моральных максим, приписывавшихся спартанцам. «Этический рационализм» спартанцев, представленный в сборниках Плутарха,

5. См.: Платон. Гиппий Большой. 285 cd.

6. См.: Он же. Протагор. 342 ab.

7. См.: Плутарх. Моралии. 208 b.

8. См.: Полиэн. Военные хитрости. I. 32,2.

9. Платон. Протагор. 342 e. Пер. В. С. Соловьева.

прямо переключается с этической программой платоновского Сократа: спартанские цари призывают приучать себя властвовать и подчиняться¹⁰ — совсем как справедливый человек в «Государстве», упражняющийся в подчинении разуму и властвующий над своими страстями.

Тем не менее отождествление лаконической манеры спартанцев и стиля философствования Сократа кажется невозможным: афинский философ — сама олицетворенная стихия речи. Он такой же мастер кратких хлестких фраз («смерть — освобождение души от тела», «лучше подвергаться несправедливости, чем самим совершать ее» и т. д.), но его тяга к общению, эта страстная философская говорливость совсем не напоминает молчаливости граждан Лакедемона.

И все-таки говорение Сократа бывает парадоксально сродни лаконичности спартанцев. И не только в том, что претендует на истинность (в тех случаях, когда оно на нее претендует), но и в том, что Сократ, как и спартанцы, в некоторых условиях выступает как парресиаст.

В лекционных курсах 1982–1983 годов Мишель Фуко неоднократно обращается к теме паррессии (*παρρησία*), специфического понятия из античной риторики, означающего речь, в которой отсутствуют какие-либо сознательные условности и риторические фигуры и которая свободно говорит правду — бесстрашно и бескомпромиссно¹¹. Фуко решительно отличает паррессию от сократической диалектической иронии, видя в последней майевтическое искусство¹², но невозможно отрицать, что «Апология» Сократа (как в варианте Платона, так и в варианте Ксенофонта) — это также говорение правды, говорение, которое происходит в ситуации смертельной опасности.

Фуко соглашается с тем, что Сократ выступает настоящим парресиастом в «Апологии». С его точки зрения, защита Сократа на суде — философская свободная речь, не ставящая оратора над собеседниками, но испытывающая и самого подсудимого, и афинян¹³. Именно в этом он видит природу «управления

10. Когда у спартанского царя Агесилая спросили, почему спартанцы счастливее остальных народов, тот ответил: «Они больше кого бы то ни было упражняются в навыке повелевать и подчиняться» (*Плутарх*. Указ. соч. 2.51).

11. См.: Фуко М. Дискурс и истина // *Логос*. 2008. № 2 (65). С. 159–262. Подробнее о феномене паррессии в античном мире см.: *Free speech in classical antiquity* / Rosen R., Sluiter I. (eds). Leiden; Boston: Brill, 2004.

12. См.: Фуко М. Управление собой и другими. СПб.: Наука, 2011. С. 68: «Нет ничего более далекого от *parresia*, чем знаменитая сократовская или сократо-платоновская ирония. <...> О чем идет речь в сократовской иронии? Речь идет об игре, в которой наставник притворяется, будто он ничего не знает, и подводит ученика к формулированию того, чего он знать не знает».

13. *Ibid.* С. 334–335.

собой и другими» — подлинно царственную способность, которой, по мнению апологетов Сократа, полна обладал этот мыслитель. Свободная речь Сократа — достоинство, которое воспитала в нем философия, и именно оно в момент суда делает его не ответчиком, играющим по правилам афинской судебной риторики, а подлинно независимым человеком, способным испытывать своих судей.

Спартанские речи, вырванные из контекстов нравоучительных сборников и помещенные в реальность породивших их исторических ситуаций (выдуманных или нет — несущественно), также перестают быть риторической условностью. Достаточно привести историю, которую нам рассказывает Геродот о беседе спартанского диссидента Демарата с персидским царем Ксерксом перед началом битвы при Фермопилах. Удивленный поведением стоявших на аванпостах спартанцев, украшавших свои головы венками, Ксеркс не верит, что они будут сражаться с его армией. Демарат напоминает, что он уже предупреждал царя об этих людях до начала похода на Элладу. В тот раз Ксеркс поднял его на смех, но теперь вынужден признать, что слова Демарата о странном нраве его соотечественников были верны. Несмотря на недоумение и недоверие Ксеркса, перебежчик утверждает, что своей великой задачей считает говорить в его присутствии правду — какой бы она ни была¹⁴. Полностью зависящий от воли персидского царя Демарат восхваляет своих соотечественников как самое славное эллинское племя. Несмотря на свое «придворное» положение, он осмеливается говорить правду в лицо варварскому владыке.

Перебросить смысловой «мостик» от Демарата к Сократу достаточно просто. Даже один из главных античных «сократохулителей» Аристоксен не отрицает его прямодушия. Согласно Плутарху, он изображает Сократа как человека грубого и невежественного, но вместе с тем честного¹⁵. Прямота, простота и безыскусность — вполне достаточная характерологическая основа для парресии. Но ведь философ и не может быть на суде кем-то иным, кроме как безыскусным простецом, разрушающим эристический судебный дискурс. Недаром Сократ называет защиту «трудным делом» в начале своей «Апологии», а доблестью оратора считает говорение истины¹⁶. Вопреки уже настроенной против него обвинителями аудитории он готов говорить правду, причем не риторическим языком, а самым обыденным, тем самым, который был свойственен его беседам с афинянами. Различия в стиле и способе свершения сократовской и спартанской речи в си-

14. Геродот. История. VII. 209.

15. См.: Плутарх. О злокозненности Геродота. 9. 856с.

16. См.: Платон. Апология Сократа. 18а, 19а.

туации опасности становятся несущественны: перед нами речи парресиастов, прекрасно осознающих, что делают.

3. Переключка образов Сократа и спартанцев особенно наглядна, когда мы читаем о последних часах жизни афинского философа. Готовящийся к смерти Сократ предстает в «Федоне» собранным, бодрым и даже веселым. Своим опечаленным и удивленным друзьям он высказывает тезис, который станет знаменитым: философия есть приготовление к смерти. «Те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним — умирающим и смертью»¹⁷. Сократ заявляет, что ожидает от смерти «величайших благ», в частности надеется встретиться с лучшими людьми, и уверен, что судить его будут мудрые и благие боги¹⁸.

Описание «философской» смерти Сократа оказывает завораживающее воздействие на читателей «Федона». Между тем у Платона были предшественники, призывающие к мужественной встрече кончины, и один из них для нас очень показателен. Речь идет о спартанском поэте Тиртее, по распространенной легенде прибывшем в Лакедемон из Афин¹⁹ и бывшем представителем замечательной плеяды музыкантов и поэтов (Терпандр, Фалет, Тиртей, Алкман), которые, по легендарной традиции, сформировали основные гражданские празднества Лакедемона, вдохнули мужество в воинов и помогли сложиться знаменитому спартанскому ратному этосу. В одной из сохранившихся элегий Тиртея имеется пронзительно созвучный «Федону» мотив. Поэт призывает:

Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц кончины —
Милыми, как нам милы солнца златые лучи! <...>
Да, хорошо умереть для того, кто за землю родную
Бьется и в первых рядах падает, доблести полн²⁰.

Отметим, что ожидание славной смерти как достойного завершения славной же жизни — тема, которая постоянно встречается у античных историков при описании мужества спартанцев, особенно в классический период истории Лакедемона.

Смерть Сократа переключается с самой известной спартанской смертью — гибелью Трехсот при Фермопилах. Геродот сообщает, что перед началом войны дельфийская пифия предрекла разрушение Спарты, избегнуть которого та могла, лишь принеся

17. *Он же*. Федр, 64а.

18. Там же. 63вс.

19. Ср.: *Он же*. Законы. I. 629а.

20. *Тиртей*. Элегии (fr. 6–8 Diehl). Пер. Г.Церетели.

в жертву одного из царей. Утром решающего дня боев за Фермопилы предсказание о гибели подтвердил прорицатель Мегистий, гадавший по внутренностям жертвенного животного²¹.

Но буквально то же самое мы видим и в рассказе о гибели Сократа. Согласно «Апологии» Ксенофонта, Сократ еще до начала процесса полагает, что боги сами ведут его к смерти²². В «Критоне» же Платон описывает сон Сократа, в котором некая прекрасная и величественная дама предсказывает ему смерть на третий день²³. В стихе из «Илиады», цитируемом ею («В третий день мы достигнем плодородной Фтии» [IX 363]), содержится угроза оскорбленного Агамемноном Ахилла покинуть лагерь ахейцев и вернуться на родину. Созвучие греческих слов «Фтия» (Φθία) и «гибнуть» (φθίω) заставляет чуткого к таким вещам Сократа увидеть в этих словах предсказание о скорой смерти, которая станет для философа возвращением на его подлинную занебесную родину.

Перед появлением учеников в тюрьме в день казни Сократ пытался сочинять стихи, следуя указанию Аполлона, который в повторяющихся снах призывал его «служить музам». Если до этого под служением музам он понимал философию, то в последний день своей жизни обратился к поэзии²⁴. Согласно Плутарху, спартанцы перед сражением также приносили жертву музам, дабы получить добрую славу, которая потом будет воспета потомками²⁵. Добрая слава — один из базовых моментов указанной выше моральной мудрости, содержащейся в «спартанских изречениях». Именно эту славу спартанцы воспевали во время застолий. Плутарх же сообщает нам о любви спартанцев к пению. Служение музам на ратном поле и на поле философских баталий оказалось созвучно — в обоих случаях оно было связано со смертью.

В целом ряде мест у Платона и Ксенофонта Сократ изображается как воин, не страшщийся, а жаждущий славной гибели. В «Апологии» Сократ отказывается принимать в расчет смерть, предпочитая в первую очередь заботиться не о себе, а о справедливости поступка. В «Критоне» Законы обращаются к нему с увещанием: «Нельзя отступать, уклоняться или бросать свое место в строю»²⁶. Самообладание Сократа в битве при Делии

21. Геродот. Указ. соч. VII. 219, 220.

22. См.: Ксенофонт. Апология Сократа. 5. Ученики Сократа объясняют знание мудреца о своем будущем воздействием его демона. Диоген Лаэртский же ссылается на слова Аристотеля о некоем сирийском маге, предсказавшем Сократу его судьбу (См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. II. 5. 45).

23. См.: Платон. Критон. 44ab.

24. См.: Он же. Федон. 60с.

25. Плутарх. Моралии (О древних обычаях спартанцев). 16.

26. Платон. Критон. 51с.

(424 год до н.э.), когда афинский строй был нарушен («все уже разбрелись») и на поле боя господствовала вражеская конница, красноречиво описывает Алкивиад в «Пире»²⁷. Эти и другие свидетельства напоминают, порой буквально, те ценности воинского строя и верности соратникам, которые воспевал для спартанцев уже упоминавшийся Тиртей.

4. Перенесение на общественную и философскую позицию Сократа спартанских черт особенно заметно, если мы вспомним известную спартанскую верность законам, отмечавшуюся как классическими греческими историками, так и «сократиками» Платоном и Ксенофонтом. Но эта позиция как нельзя лучше сочетается с той, которую занимает Сократ в «Критоне», где объясняет причины, по которым не желает бежать из тюрьмы, следующим образом: «Надо либо его (государство) переубедить, либо исполнять то, что оно велит, а если оно к чему приговорит, то нужно терпеть невозмутимо, будут ли то побои или оковы, пошлет ли оно на войну, на раны и смерть; все это нужно выполнять, ибо в этом заключена справедливость»²⁸.

Верность установлениям означает исполнение даже таких из них, которые нам представляются странными. Присмотримся к еще одному свидетельству Законов «Критона»:

Ты, Сократ, никогда не выезжал из нашего города ради празднеств, где бы их ни праздновали, разве что однажды на Истм, да еще на войну; ты никогда не путешествовал, как другие люди, и не нападала на тебя охота увидеть другой город с другими законами. С тебя было довольно нас и нашего города — вот как ты любил нас и при этом соглашался жить под нашим управлением; да и детьми обзавелся ты в нашем городе потому, что он тебе нравится²⁹.

Бегство от правосудия привело бы к тому, что Сократ будет жить, «заискивая у всякого и прислуживаясь»³⁰, то есть в позоре и бесчестии. Так и у Тиртея: беглец с поля боя «горькую вкусит судьбу». Сократ утверждает: оказавшись, например, в Фивах, где законы хороши, он, бежавший из своего города, станет их врагом. Тиртей в уже цитированной нами элегии утверждает, что беглец повсюду будет врагом для тех, кто его примет.

Приведенный фрагмент из «Критона» особенно важен для темы сравнения образов Сократа и спартанцев в античной тра-

27. *Он же*. Пир. 221аb.

28. *Он же*. Критон 51b; здесь и далее пер. М. С. Соловьева.

29. Там же. 52b.

30. Там же. 53e.

диции потому, что Плутарх утверждает: Ликург запретил спартанцам покидать пределы своей страны, за исключением периода военных действий или участия в дипломатических и религиозных посольствах³¹. По его мнению, зарубежные поездки могут вызвать расшатывание твердых устоев спартанского нрава³². Возможно, по той же причине Сократ не отправился к иноземным правителям, которые приглашали его к себе, в частности к Архелаю Македонскому и Скопасу из Краннона, «к которым относился с презрением»³³. Как мы знаем, Сократ покидал Афины лишь во время боевых действий да однажды побывал на Истме во время религиозного праздника. Если он и был обладателем земельного надела, то едва ли часто посещал его: недаром в «Федре» говорится, что Сократ почти не выходит за городские стены³⁴.

5. Занятия, которым предавались спартанцы и Сократ на своей родной земле, казалось бы, радикально отличались друг от друга. Спартанцы, если верить античной традиции, представленной в сочинениях Фукидида³⁵, Плутарха и других авторов, постоянно готовили себя к военным действиям³⁶. Именно с этим было связано особое внимание к воспитанию детей, о котором подробно говорит Ксенофонт в «Лакедемонской политике»³⁷. Особо отметим, с одной стороны, строгость воспитания, а с другой — то, что, по словам Ксенофонта, Ликург «смешал в Спарте все возрасты» вопреки обычаю, когда сверстники проводят время со сверстниками. Легендарный законодатель полагал, что это позволит молодым людям учиться на опыте старших, быстрее подготовиться к тяготам взрослой жизни.

Но ведь и платоновский Сократ стремится проводить время с людьми другого возраста. В диалоге «Парменид» он выведен пытливым юношей, общающимся с мудрыми элейскими мыслителями. В диалоге «Теэтет» пожилой философ представляет себя как воспитателя юношества. Общение с молодыми людьми стремились запретить Сократу Тридцать тиранов³⁸, и именно за «разращение молодежи» его судили в 399 году до н. э.

31. Плутарх. Сравнительные жизнеописания (Ликург и Нума). 27.

32. Ср. историю царя Левтихида, подкупленного фессалийцами, или печальную судьбу полководца Павсания, победившего персов при Платеях, а потом разращенного образом жизни побежденных варваров.

33. См.: Диоген Лаэртский. Указ. соч. II. 5. 27.

34. См.: Платон. Федр. 230с.

35. См. известное место из речи Перикла: Фукидид. История. II. 39.

36. К слову, Сократ также «занимался телесными упражнениями и отличался крепким здоровьем» (Диоген Лаэртский. Указ. соч. II. 5. 22).

37. Ксенофонт. Лакедемонская политика. 5.2–7.

38. Он же. Воспоминания о Сократе. I. 2. 33.

К этому следует добавить, что, занявшись философией, Сократ оставил в стороне все остальные дела³⁹. Одно место из Диогена Лаэртского подсказывает нам, что он предпринимал некие торговые операции, на что и жил⁴⁰. Но в диалогах Платона Сократ не занят никаким промыслом. Хотя он и обладает достаточной собственностью, чтобы служить в рядах гоплитов, эту собственность философ давно забросил⁴¹. Сократ весь в философии и не отвлекается ни на что, кроме неизбежных общественных и военных обязанностей. С этим образом человека, отказавшегося от хозяйственных забот, очень созвучны слова Плутарха: «Одним из благ и преимуществ, которые доставил согражданам Ликург, было изобилие досуга. Заниматься ремеслом им было строго-настрога запрещено, а в погоне за наживой, требующей бесконечных трудов и хлопот, не стало никакой надобности, поскольку богатство утратило всю свою ценность и притягательную силу»⁴².

Сократа в историко-философской традиции изображают как истинно свободного человека. В диалоге «Теэтет» Платон вкладывает в уста Сократа программные слова о необходимости удаления истинного мудреца от обывательской суеты, связанной со стяжательством, страхом социальной депривации и господством судебной эристики. Но образ жизни спартанских мужчин в той мере, в которой он описывается авторами «спартанского миража», полностью лишен черт обывателей из «Теэтета». По мнению Плутарха, основным достоинством лакедемонян была свобода: «Один спартанец, находясь в Афинах и услышав, что кого-то осудили за праздность и осужденный возвращается в глубоком унынии, сопровождаемый друзьями, тоже опечаленными и огорченными, просил окружающих показать ему человека, которому свободу вменили в преступление»⁴³.

6. Еще одно место соприкосновения образа Сократа со «спартанским миражом» — Дельфы. Признавшее Сократа мудрейшим среди афинян пифийское святилище находилось в традиционных дружественных отношениях со Спартой. По преданию, одним из первых проявлений этой дружбы стало санкционирование Дельфами ликургова законодательства. Когда Ликург явился в святилище, оракул обратился к нему со словами: «Не пойму, как мне именовать тебя — богом или же человеком?». Сократ «скромно» признает, что оракул не приравнял его к богу, «все-

39. Платон. Апология Сократа. 31b.

40. Диоген Лаэртский. Указ. соч. II. 5. 20.

41. См.: Платон. Апология Сократа. 31 b.

42. Плутарх. Сравнительные жизнеописания (Ликург и Нума). 24. Пер. С. П. Маркиша.

43. Там же.

го лишь» признав, что он намного выше афинян⁴⁴. Возможно, главный мотив здесь не столько в подчеркивании особого статуса мудреца, сколько в сравнении Сократа со знаменитым законодателем. Если мы и не можем приписывать платоновские политические проекты (например, «Государство») историческому Сократу, то на близость с Ликургом в деле заботы о воспитании молодежи Сократ претендовать мог⁴⁵.

7. Эротизм Сократа для античных авторов имел не только философский подтекст. Страстная природа Сократа выражена в его внешности. Уже Платон и Ксенофонт говорят об этом. Алкивиад в платоновском «Пире» сравнивает облик своего учителя с изображениями силена, одной из ипостасей сельского демона плодородия⁴⁶. Смысл сравнения понятен: Алкивиад противопоставляет внешний образ Сократа, отсылающий нас к той «деревенщине», которую высмеивали в «сатирических драмах» (и которая могла во время обострения межполисных отношений ассоциироваться с «сельской» Спартой), его внутренней душевной красоте. И все же не следует забывать, что силены и сатиры ассоциируются с сексуальной энергетикой, свойственной земледельческим культам. Платону вторит Ксенофонт. В его «Пире» Сократ иронически обсуждает свои «рачы» глаза, вздернутые ноздри и пухлые губы⁴⁷, которые для античного сознания были признаком чувственности натуры.

С точки зрения наследников афинского мудреца, его страстную натуру полностью преобразовали занятия философией. Об этом говорит нам Порфирий в «Истории философии»⁴⁸. Характерен также рассказ Цицерона в «Тускуланских беседах» об ошибке физиономиста Зопира, пытавшегося по чертам лица философа «прочитать» его характер⁴⁹. Победа «небесного» Эроса над страстной природой особенно видна в платоновском «Федре».

44. Ксенофонт. Апология Сократа. 15.

45. Там же. 24.

46. См.: Платон. Пир. 215b.

47. См.: Ксенофонт. Пир. V. 5 и далее.

48. «Порфирий утверждает, что Сократ, сын Софрониска, в молодости отличался невоздержанностью, но, одолев себя и усердно занимаясь [науками], смог избавиться от худшего и проявить черты философии» (Феодорит Кирский. Врачевание эллинских недугов. IV. 2). Ср.: Кирилл Александрийский. Против Юлиана Отступника. VI. 76. 784d–785a): «Порфирий к тому же пишет о Сократе: „В повседневной жизни он был неприхотлив, и для удовлетворения каждодневных нужд ему требовалось немного; что же до любовных дел, то он был охоч до них, хотя они и не принуждали его становиться дурным человеком“».

49. «Некий Зофир, утверждавший, будто он умеет распознавать нрав по облику, однажды перед многолюдной толпой стал говорить о Сократе; все его подняли на смех, потому что никто не знал за Сократом таких пороков, какими наградил его Зофир, но сам Сократ заступился за Зофира, сказав, что

Сократ призывает здесь не отдаваться телесному влечению, будывая «черного коня», ответственного за чувственные желания⁵⁰.

И вновь мы видим спартанские параллели. О той же эротической сдержанности говорит в «Лакедемонской политике» Ксенофонт — только теперь в отношении законодательства Ликурга:

Если кто-то, будучи человеком достойным, возлюбив душу мальчика, попытался сделать из него безупречного друга и быть с ним вместе, того Ликург хвалил и считал такое воспитание прекраснейшим. Считая одновременно позорнейшим, если кто-то обнаружит стремление к телу ребенка, законодатель сделал так, что в Лакедедоне поклонники ничуть не менее избегали любовной связи с любимцами, чем родители и дети или родные братья⁵¹.

8. Можно говорить о многих других более или менее прямых указаниях на близость спартанского образа жизни поведению Сократа: о его супруге Ксантиппе, похожей скорее на спартанских, чем на афинских, женщин, о сравнении в «Теэтете» софистов с пельтастами — тем родом войск, массовое использование которого привело к крушению норм классического гоппитского боя спартанцев.

Однако самое важно и буквально очевидное для современников Сократа — это его облик. Было ли в нем что-то спартанское? Если следовать принципу стилизации в его «сильной» формулировке, мы должны обнаружить спартанские черты и во внешнем виде афинского мудреца. Наши ожидания оправдываются и в этом случае. В полном согласии с традициями, установленными Ликургом, спартанцы не ухаживали за своим телом так, как это делали остальные эллины. Они мылись, наряжались и украшали головы венками, лишь когда шли на войну. Как ни парадоксально, что-то подобное можно заметить и в поведении Сократа. Как минимум два подтверждения этому нам сохранил Аристофан. Хронологически первое — в «Облаках», где Аристофан сравнивает мрачных, глядящих в землю и небрежно одетых учеников Сократа с взятыми в плен при Пилосе лаконцами⁵². В более поздних «Птицах» Аристофан описывает «моду» на спартанский способ жизни, распространенную среди афинян, ссылаясь на пример Сократа:

Все люди просто бредили лаконцами:
Они ходили грязные, заросшие,
Голодные и с палкой, по-сократовски⁵³.

пороки эти у него действительно были, но что он избавился от них силою разума» (Цицерон. Тускуланские беседы. IV. 37 (80). Пер. А. Артюшкова).

50. См.: Платон. Федр. 256 ab.

51. Ксенофонт. Лакедемонская политика. II. 12. Пер. М. Курилова, А. Куриловой.

52. См.: Аристофан. Облака. 225.

53. Там же. 1280. Пер. С. Апта.

Вполне вероятно, эта мода была распространена во время Никеева мира.

Сократ явно не занимался «банным» и «парфюмерным» уходом за собой. «Гигиеническая аскеза», очевидно, имела своей целью приучение тела к тяготам — как и в случае лакедемонян. «Умытым и в сандалиях» мы встречаем Сократа в «Пире» (что удивляет всех участников этого диалога)⁵⁴. Но стоит заметить, что данный текст посвящен теме Эроса и представляет собой ристание в восславлении «древнего демона». Это ристание становится для Сократа чем-то вроде испытания — как для спартацев война. И, как мы видим, он ведет его без устали — даже когда все засыпают, наш философ занят беседой о том, могут ли авторы комедий писать трагические произведения, и наоборот⁵⁵. Отметим, что вплоть до появления Алкивиада собеседники в этом диалоге держат зарок не пить вина, проявляя ту же твердость, что и участники легендарных спартанских сисситий⁵⁶.

9. Подытоживая спартанские черты образа Сократа в текстах его учеников, мы можем предположить, что перед нами открывается еще не разработанная сторона историко-философских штудий: неречевое измерение античной (и не только) философии, представленное не в эзотерическом молчании, но в символическом отражении в жизни философов некоторых реальных или вымышленных образцов. В отношении Сократа эта тема важна, в частности, в связи с его «незнанием», которое приветствовал дельфийский оракул. Понимаем ли мы «незнание» афинского философа как методический принцип, «расчищающий» ученикам место для «разыскания себя» и для их будущих философских доктрин, или же трактуем его как критику софистической мудрости — в любом случае речевое «незнание» не означает утраты поведенческих ориентиров. Отказывающийся определять мужество, красоту и правильное мнение мудрец в практической деятельности мужественен, справедлив и морально прекрасен; он полностью тождествен сам себе в своем поведенческом символизме, в стойкости на суде и перед лицом смерти. С этой точки зрения он выступает для учеников подлинным «знающим», только знание это так сложно выразить в слове, диалоге, биографии...

54. Платон. Пир. 171a.

55. Там же. 223c.

56. Ср.: Ксенофонт. Лакедемонская полития. V. 3–7; Плутарх. Сравнительные жизнеописания (Ликург и Нума). 12.